

Ли Сы сидел на корточках на большом камне, погруженный в тяжелое молчание. Что и говорить, характер у его матери был властным и упрямым, но ведь родная кровь — против этого не пойдешь. Слышать её надрывный плач было невыносимо, но где взять зерно? Сегодня он оторвал от сердца последнюю горсть, и теперь голодные дни стали к ним еще на шаг ближе. Будь у него запасы, разве пожалел бы он для матери? Отдал бы всё без лишних слов, пусть даже она пустила бы это зерно на пустые подарки ради чужого уважения.

Гоудань пока не мог до конца понять всех отцовских тревог. Он лишь знал: отец души в нем не чает, а значит, и он должен отвечать ему тем же. Они были друг у друга единственной опорой. Не стань отца, и мальчику пришлось бы совсем туго. Но и для самого Ли Сы жизнь без сына, пожалуй, потеряла бы всякий смысл и превратилась в беспросветную лямку.

Пусть иногда Гоудань и поддразнивал отца, а Ли Сы лишь безропотно улыбался в ответ, на самом деле они были не разлей вода. Вот и сегодня: мальчишка просто не мог вынести, когда обижали его отца. И неважно, что обидчицей была родная бабушка. Гоудань, не задумываясь о том, сдюжит ли, готов был броситься на любого, кто посмеет задеть Ли Сы.

Ван Сюань сидел рядышком с Гоуданем чуть поодаль от Ли Сы. Все трое молчали. Гоудань прежде никогда не задумывался о том, насколько тяжело и бедно они живут. Раньше они тоже вечно недоедали, но как-то ухитрялись радоваться жизни — ведь все в округе перебивались с хлеба на воду. Мир для него ограничивался пределами родной деревни, а все мысли занимали простые соседские дела.

Но сегодняшняя ссора, школьные уроки и обрывки воспоминаний настоятеля храма, которые он бережно хранил в памяти, приоткрыли для него завесу иного, неведомого мира. Запрокинув свою угловатую, похожую на молоток голову к небу, Гоудань впервые в жизни погрузился в столь глубокие думы.

Ван Сюань искоса разглядывал друга. Гоудань казался ему сейчас необычным, странным — никогда еще названный брат не бывал таким притихшим. Он словно отдалился, улетел мыслями куда-то очень далеко, став совершенно непостижимым. «Но разве не я знаю брата Гоуданя лучше всех на свете?» — недоумевал Ван Сюань.

Он слегка толкнул приятеля в плечо. Гоудань медленно повернул голову, взгляд его еще блуждал где-то далеко.

— А? — тихо отозвался он.

— О чем ты думаешь, брат Гоудань?

— А-Сюань, скажи... Если бы у тебя появилась возможность, ты бы отправился искать своего отца?

Ван Сюань ненадолго задумался.

— Раньше думал об этом. Он ведь ко мне неплохо относился... Но теперь не хочу. И в будущем не стану искать. Брат Гоудань, а ты сам хочешь, чтобы я его нашел?

— Да нет, я просто так, к слову пришлось, — качнул головой Гоудань. — Мне вот думается... Если мы выучимся, то сможем поехать и посмотреть, что там, за пределами наших краев. Учитель ведь рассказывал, что мир огромен и в нем живут самые разные люди. Некоторые черные как дно котла, у других глаза синие, а волосы желтые. И все они сплошь злые капиталисты. Чудно, правда? Разве это не сущие оборотни? Ну как можно так выглядеть!

— И мы их когда-нибудь увидим? — с легким опасением спросил Ван Сюань.

— Вряд ли! До них ведь три локтя по карте. Да и к чему нам это? Напугаться только. Учитель говорил, они и лепечут на своем, не по-нашему, мы их ни в жизнь не поймем. И люди они никудышные. Не то что у нас в стране — у нас всё правильно, всё по совести.

— Ну и ладно, ну их тогда, — охотно согласился Ван Сюань.

Два деревенских оборвыша с самым серьезным видом обсуждали проклятых империалистов, о которых порой вскользь упоминал школьный учитель. Мальчишки были свято уверены, что заморские чужаки уродливы, точно лесные чудища. Недаром говорят, что они разлагают неокрепшие умы — нечисть ведь только этим и занимается.

Мальчишки говорили увлеченно, то переспрашивая друг друга, то пускаясь в пространные объяснения. Всё у них выходило ладно да складно. Ли Сы, еще недавно сокрушавшийся из-за семейных дразг, мало-помалу увлекся их беседой. Он пододвинулся ближе и стал внимательно прислушиваться.

Время от времени он понимающе кивал, прикидывая про себя: если заморские черти действительно выглядят так, как толкует сын, держаться от них надо как можно дальше. Ли Сы ни на секунду не усомнился в словах Гоуданя. Еще бы, ведь сын пересказывал слова самого учителя! Разве учитель станет врать?

Для простого, неграмотного крестьянина фигура учителя была окружена почти священным трепетом. И неважно, что этот самый учитель сам едва окончил начальную или среднюю школу и за всю жизнь ни разу не выезжал дальше уездного города, не говоря уже о том, чтобы собственными глазами повидать круглоглазых, носатых чужеземцев.

Впрочем, это ничуть не мешало им следовать линии партии. Да и мыслили они в правильном направлении: у этих капиталистических хищников из-за океана и впрямь были волчьи аппетиты.

В дом заходить не хотелось. Так они и сидели втроем на валунах перед порогом, коротая время за разговорами. Старая усадьба состояла из трех глинобитных построек: двух побольше и одной совсем крохотной. Одно из просторных строений наполовину обвалилось, но Ли Сы

укрепил его парой деревянных балок и приспособил под дровяник, а в летний зной устраивал там временную кухню.

Во второй большой комнате ютилась вся их маленькая семья, а каморку поменьше Гоудань приспособил под склад: прибрал там всё, засыпал зерно, сложил всякую хозяйственную утварь да повесил замок. Вот и выходило, что жилыми оставались две с половиной комнаты. Но благодаря постоянной заботе и мелкому ремонту старая мазанка не выглядела заброшенной. Стоило дому наполниться человеческим теплом, как он преобразился и стал казаться вполне уютным.

Разговор окончательно увел их в сторону от недавней невзгоды. Никто больше не вспоминал о семейной ссоре. Ли Сы, стряхнув пыль со штанов, поднялся с камня. На полевые работы возвращаться было уже поздно, и он решил заняться делом подомашним. Скоро наступит настоящая жара, а значит, самое время нарезать бамбука и сплести новую циновку. Ли Сы помнил, как Гоудань любит в знойные дни развалиться на ней посреди комнаты, раскинув руки и ноги.

Мальчишка спал на такой подстилке крепко и сладко. Плетение циновок было как раз по части Ли Сы — дело нехитрое, а руки у него росли из нужного места. Он тонко нарезал бамбуковые стебли, следя, чтобы все планки выходили одинаковой ширины. Готовая циновка получалась ровной, без единой зазубрины, а жесткие стыки у бамбуковых коленец он тщательно зашкуривал, чтобы ни один сучок не впивался в бока спящего ребенка.

С тех пор после школы Гоудань частенько уводил Ван Сюаня к остановке у здания коммуны. Раз в два дня туда доползал старенький пыльный автобус, державший путь напрямиком в уездный город. Дорога до уезда пролегла через две другие коммуны и разветвлялась у проселочных дорог, ведущих к затерянным в глуши деревням — хотя от тех перекрестков до самих поселений нужно было топать еще не один линь.

Дороги в коммуне были сплошь грунтовыми. Остановка представляла собой обычный пятачок у обочины. В сухую погоду проезжающий мимо редкий транспорт поднимал такую тучу серой пыли, что дышать становилось нечем. Гоудань не раз кашлял до слез, наглотавшись этой дорожной взвеси, но упорно приходил сюда снова и снова — его манила сама атмосфера движения и суеты.

Он понятия не имел, как устроен этот загадочный уездный город. Знал лишь, что муж его тетушки Ли Бо устроился туда рабочим на завод.

Уезд манил своей таинственностью. Да и вообще все неизведанные места пробуждали в нем смутное, сладостное томление. Ему казалось, что там непременно сокрыто нечто удивительное. Близлежащие леса он исходил вдоль и поперек, но детское чутье подсказывало: мир за пределами их глуши во много крат ярче, забавнее и шире, чем тропы под кронами знакомых сосен.

Неизвестно, от кого из предков Гоудань унаследовал эту неумную жажду приключений и

любопытство. Дед его был нелюдимым молчуном, а прадед, поговаривали, и вовсе пришел в семью примаком. Отец, Ли Сы, до мозга костей оставался классическим китайским пахарем — простым, выносливым и безотказным, привыкшим безропотно тянуть свою лямку от зари до зари.

В характере Гоуданя, пожалуй, тоже дремали эти крестьянские черты, но едва заметно. Он органически не выносил покоя. Ему постоянно нужно было куда-то бежать, что-то затевать, высматривать. Жить как отец — изо дня в день мерить шагами пашню от восхода до заката — казалось ему невыносимой тоской. Не загляни он краем глаза в иную реальность, его судьба была бы предрешена: женился бы, завел детей и остался до конца дней чуть более строптивым, чем прочие, но всё же обычным общинником.

Не больше.

Но теперь в его груди зародилось нечто новое — робкое честолюбие и страстное желание вырваться из сонной глубины.

— Брат Гоудань, ты ведь хочешь поехать в уезд, верно? — спросил Ван Сюань, заметив, какими голодными глазами тот провожает пассажиров в окнах проезжающего автобуса.

— Да где там... Денег у нас нет, — со вздохом отозвался Гоудань. — В уезд без гроша в кармане соваться нечего. Ни денег, ни талонов на еду. Если поедем просто так, придется побираться вдоль дорог. Кому охота с протянутой рукой стоять?

— Я слышал, учитель Ван, который у пятиклассников ведет, учился в уездной средней школе, а потом целый год в городе в старших классах отучился... — припомнил Ван Сюань. — Если мы с тобой окончим начальную школу и поступим в среднюю, нас тоже туда отправят.

— А он не говорил, сколько стоит целый год учебы в средней школе? — посерьезнев, спросил Гоудань.

Мальчик заметно подрос, и вместе с ростом крепили его ум и рассудительность. Если раньше он сторонился приезжих, то теперь, ведомый желанием разузнать побольше о внешнем мире, частенько заводил разговоры с городской образованной молодежью.

— Про деньги он помалкивал, но, думаю, уйма нужна, — уныло протянул Ван Сюань.

Его пыл угас так же быстро, как и разгорелся. Где им взять столько средств и продовольственных талонов? Ладно бы на двоих — тут и одного Гоуданя выучить у дяди Ли Сы силенок не хватит. То, что дядя Ли столько лет кормил его и крышу над головой давал, уже было великим счастьем. Как только начальная школа останется позади, Ван Сюань станет достаточно взрослым, чтобы выйти в поле и зарабатывать свои пять-шесть рабочих баллов. Тогда о книжках придется забыть ради куска хлеба.

Гоудань молча шагал впереди, погруженный в свои думы. Ван Сюань догнал его и легонько дернул за рукав:

— Брат Гоудань, если тебе так нетерпится разузнать про уезд, давай дождемся, когда тетушка Ли Бо приедет в гости, и расспросим её? А если не захочешь... То погоди немного. Вот вырасту, начну зарабатывать рабочие баллы да копить деньги, куплю тебе билет на автобус, выменяю талонов на зерно, и ты сможешь поехать хоть в уездный город, хоть в самую столицу!

— Еще чего, стану я её спрашивать! — фыркнул Гоудань, мгновенно вскинув нос.

В нем тут же проснулась его детская, злопамятная натура. Он до сих пор помнил, как на своей свадьбе тетушка Ли Бо пожалела для него копеечную конфету. Всех детей угостила, а его одного обделила. Такое не прощается!

Ван Сюань промолчал. «Ну и ладно, — подумал он про себя. — Расспрошу её украдкой, а потом все брату перескажу».

Словно прочитав его мысли, Гоудань резко обернулся и пригрозил пальцем:

— И тебе к ней соваться запрещаю!

— Ладно, не буду, — послушно пообещал Ван Сюань.

Разве можно идти против воли брата? Все тайные замыслы улетучились без следа. Спокойствие и хорошее настроение Гоуданя были для него важнее любых расспросов. Они ведь верные друзья, а значит, перед лицом неприятеля нужно стоять плечом к плечу и не идти на уступки тем, кто зажал конфету.

— Брат Гоудань, а ты, кажется, опять подрос? — решил сменить тему Ван Сюань. — Гляди, штанины совсем коротки стали.

Раньше подвернутые края брюк болтались у самого голеностопа, а теперь подскочили чуть не до середины икры.

— Может, и подрос, — согласился Гоудань.

Он притянул Ван Сюаня к себе и приложил ладонь к его макушке:

— Да нет, всё так же. Помню, ты мне аккурат до мочки уха доставал. И сейчас точь-в-точь на том же месте.

Ван Сюань не выдержал и прыснул со смеху. Гоудань-то подрос, но ведь и он на месте не стоял! Брат решил, что раз разница в росте не изменилась, значит, они оба остались прежними, позабыв о том, что дети растут одновременно.

— Чего зубы скалишь? — подозрительно прищурился Гоудань.

— Да так, ничуть. Думы думаю. Брат Гоудань как всегда прав.

— То-то же! Когда это я ошибался? — самодовольно хмыкнул Гоудань.

Он задрал подбородок, закинул руки за голову и весело зашагал вперед, тихонько напевая какую-то разудалую песенку.

Глядя на него, Ван Сюань снова едва сдерживал улыбку. Сам он так ходить не умел: стоило задрать нос к небу, как в глаза начинало бить солнце, а под ногами то и дело вырастали коварные булыжники, грозящие отправить его кувырком в дорожную пыль.

<http://bllate.org/book/19654/1996701>